

Сможет ли Россия слезть с «сырьевой иглы»

Российскую экономику нельзя назвать ни молодой, ни динамичной, ни «переходной». Это «старая» экономика, все еще обремененная наследием 60 лет неправильного размещения производства и ошибочного развития | **КЛИФФОРД ГЭДДИ, БАРРИ ИКЕС**

В первом десятилетии XXI века экономические показатели России были одними из лучших в мире. Однако этот успех был аномальным, поскольку в его основе лежало резкое повышение цен на основной источник богатства страны — нефть и газ. Десятилетие столь высоких цен на энергоносители вряд ли скоро повторится. Следовательно, впереди Россию ожидает совершенно другая, отнюдь не столь благоприятная ситуация, что серьезно повлияет как на ее экономику, так и на ее политическую сферу.

В новом десятилетии проблемы, которые в период неожиданно высоких цен на сырьевые ресурсы можно было по большей части игнорировать, неизбежно проявятся со всей остротой. Наиболее серьезные из них связаны с тем, что на сегодняшний день Российская Федерация так и не избавилась от нерыночной структуры своего промышленного сектора, которую она унаследовала от СССР. Несмотря на

масштабные изменения, происшедшие за 20 лет после крушения коммунизма, структура «индустриального ядра» российской экономики с сопутствующими ей изъянами — неверно выбранными приоритетами развития и диспропорциями в размещении производства и населения, осталась прежней.

Поскольку эта в принципе неконкурентная система поглощает материальные и людские ресурсы, препятствуя их иному, инновационному использованию, устойчивый рост возможен только при условии ее демонтажа. Она не только давит на экономику мертвым грузом и требует больших издержек. Чем больше ресурсов идет на поддержание этой системы, тем больше ей их потребуется в будущем: чем больше она получает, тем больше она требует. Тем самым возникает своего рода «наркозависимость».

В «нулевых» эта структура не только избежала демонтажа, но и усилилась: ради сохранения рабочих мест и стабильности в обществе власти укрепили ее с помощью сырьевой ренты. Поэтому стране придется использовать все большую долю нефтегазовой ренты для поддержания существующего уровня производства и занятости

РУССКАЯ ВЕРСИЯ СТАТЬИ "THE RUSSIAN ECONOMY THROUGH 2020: THE CHALLENGE OF MANAGING RENT ADDICTION", ОПУБЛИКОВАННОЙ В КНИЖЕ "RUSSIA IN 2020: SCENARIOS FOR THE FUTURE" (EDITORS MARIA LIPMAN, NIKOLAY PETROV) (WASH., DC: CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE, 2011) © 2011, CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE. РУССКАЯ ВЕРСИЯ КНИГИ ВЫЙДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ 2012 ГОДА

в основных секторах промышленности. При этом общий объем сырьевой ренты будет расти медленнее, чем необходимо для данных целей. И однажды в ближайшие 8–10 лет «рентозависимая» Россия, похоже, испытает весьма болезненные симптомы «ломки». В результате нынешняя система распределения нефтегазовой ренты испытает перегрузки, которые могут привести к ее изменению.

До тех пор, пока стабильность остается для руководства страны приоритетом, глубоких структурных реформ в промышленности ожидать не следует. Вместо этого в рамках преобразований, называемых «модернизацией», основной акцент будет делаться на повышении КПД существующей системы. Проблема в том, что подобное совершенствование нынешней системы лишь затруднит фундаментальную задачу реструктуризации в будущем.

Российская политэкономическая модель работала без сбоев в период сырьевого бума. Она даже помогла стране пережить глубокий кризис 2008–2009 годов благодаря накопленным резервам. Однако ближайшие десять лет будут совсем другими. Ожидания и аппетиты придется умерить. За десятилетием изобилия последует десятилетие трудных решений, нехватки средств и напряженности.

«Сырьевая игла»

Главная проблема в том, что унаследованная от прошлого структура промышленности никогда не считалась жизнеспособной в условиях рыночной экономики. Советская промышленность создавалась под цели диктаторского режима, помешанного на наращивании своей военной мощи и на уменьшении экономической зависимости страны от враждебного внешнего мира. В результате возникла затратная, сверхмилитаризованная экономика, проблемы которой еще больше усугублялись тем, что она не была включена в международное разделение труда. Распределение

ресурсов в ней носило иррациональный характер. Географическое размещение строившихся заводов, городов, инфраструктурных объектов противоречило логике рынка. Но, поскольку рыночные цены отсутствовали, реальные издержки этого мегапроекта оценить было невозможно. Но тем не менее они существовали, и кто-то должен был их нести. В конечном итоге эти издержки ложились на плечи народа, который лишился возможности свободно выбирать место работы и проживания. Крайним проявлением этого стал ГУЛАГ, где массово использовался труд заключенных.

Советская промышленность строилась принудительными методами — на основе свободного труда создать такую структуру было невозможно. Поддерживать ее можно было лишь дальнейшим принуждением или с помощью притока средств извне. При жизни Сталина преобладало принуждение. Главным источником рабочей силы для строительства промышленной инфраструктуры — железных дорог, каналов, рудников и самих предприятий — был ГУЛАГ. После смерти Сталина принуждение стало играть меньшую роль. Первоначально это было связано с тем, что Берия осознал: в экономическом отношении ГУЛАГ неэффективен. Труд «промышленных крепостных» производительнее труда «промышленных рабов». Он выпустил из лагерей сотни тысяч заключенных, но при этом предписал им жить и работать в тех же самых отдаленных северных регионах страны за низкую зарплату. Производительность их труда была выше, и к тому же теперь можно было сэкономить на содержании лагерей и охраны. Система стала менее жестокой, но труд оставался несвободным.

Более глубокой причиной сокращения масштабов принуждения стал рост сырьевой ренты в СССР в 1960–1970-х. Нефтегазовая рента помогала покрывать скрытые издержки сверхмилитаризованной и нерационально

размещенной промышленности. Благодаря такому притоку средств система разрасталась и укреплялась, то есть росли ее размеры, увеличивалось число занятых, расширялась география размещения заводов и связанных с ними больших и малых городов. Но каждая фаза экспансии усиливала ее зависимость от дальнейших вливаний ресурсной ренты. Эта зависимость усугублялась и в конце концов превратилась в некое подобие наркозависимости.

Понятием «игла» применительно к таким ресурсам, как нефть, пожалуй, частенько злоупотребляют. Необходимо пояснить, что мы прибегаем к нему здесь по одной конкретной причине. Сам этот термин, как известно,

неточен, и медицинское сообщество предпочитает говорить вместо этого о различных степенях «зависимости». Тем не менее в качестве аналогии для процессов, происходящих в российской экономике, он представляется полезным. Для наркозависимости характерны три главные черты. Во-первых, больной настолько жаждет наркотика, что готов ради его приобретения идти на жертвы или риск (вплоть до саморазрушения). Во-вторых, когда он лишен наркотика, наступает болезненный абстинентный синдром. Наконец, третья, и самая пагубная, особенность наркозависимости заключается в привыкании: больному требуется все больше и больше наркотика¹.

«Наркозависимость» от ренты и привыкание

Почему производственные предприятия в советской системе стали «рентозависимыми» и почему у них выработалось привыкание? Иными словами, почему предприятиям требуется не просто постоянный, а растущий объем рентных вливаний? Может показаться, что поддержания ренты на прежнем уровне должно быть достаточно для функционирования экономики, в которой предприятия зависят от ренты. Чтобы понять, отчего это не так, необходимо остановиться на стимулах и рисках, с которыми имеют дело эти предприятия.

Для выживания рентозависимому предприятию нужны постоянные вливания ренты. Казалось бы, наилучшей стратегией для такого предприятия должно быть сведение к минимуму потребности в ренте, например, за счет повышения эффективности путем модернизации производства и оборудования. Возможно, для отдельно взятого предприятия это и

справедливо, но в рамках равновесной стратегии, которой приходится придерживаться предприятиям, это ошибочное решение. Предприятия конкурируют друг с другом в борьбе за ренту. И если объем ренты ограничен, доступ к ней будут по-прежнему получать предприятия, которые больше всего от нее зависят. Именно они в наибольшей степени интегрированы в снабженческо-распределительные цепочки и заинтересованы в их сохранении: эти предприятия становятся более значимыми для «распорядителей ренты», инвестируя в указанные цепочки.

В качестве иллюстрации представим себе три предприятия — А, Б и В, — получавшие ренту в период бума и распорядившиеся ею по-разному.

Предприятие А использовало полученную ренту для модернизации производства и снижения зависимости от ренты.

Предприятие Б передавало полученную ренту своим работникам.

Предприятие В за ее счет увеличило свои производственные мощности и теперь имеет больше занятых или нуждается в большем объеме поставок от других предприятий, входящих в снабженческую цепочку.

Представим теперь, что объем ренты сошелся. Какое предприятие в условиях спада имеет больше всего оснований для получения ренты? Естественно, предприятие В. Дальновидные директора предприятий понимают правила этой игры. Более того, предприятия выживают именно благодаря их искусной игре. Следовательно, из трех указанных стратегий они выберут стратегию предприятия В, а не А или Б.

Это означает, что равновесная экономика требует все больше ренты для удовлетворения потребностей «наркозависимых». Проблема заключается в том, что поведение последних лишь усиливает их зависимость. Неизменный объем ренты не удовлетворит растущие потребности.

«Наркозависимость» изменила саму природу советской экономической системы. «Административно-командная система», то есть то, что контролировалось и управлялось «сверху», все больше превращалась в систему, чье развитие определялось силами «снизу». Экономические приоритеты диктовались не Центром, а необходимостью поддерживать недееспособные сектора. Иными словами, не политика определяла структуру, а структура предписывала практическую политику. Это справедливо и для сегодняшнего дня, когда сложившаяся практика прямо унаследовала положение дел в СССР. Императив раздела ренты не просто продолжает существовать, но и оказывается сильнее рыночных механизмов, пришедших на смену советскому централизованному планированию.

«Перевернутая воронка»

С увеличением объемов нефтегазовой ренты, используемых для поддержки расширяющегося списка неконкурентоспособных предприятий, российская промышленность стала при-

обретать специфическую форму, напоминающую перевернутую воронку. Наверху, в узкой части воронки, располагается компактный источник богатства (нефть, газ и другие минеральные ресурсы), которое распределяется между более крупными (по числу занятых, по размерам предприятий, по территории) секторами (см. рис. 3 на с. 28). Существование этого объемного основания воронки зависит от ренты из ресурсного сектора.

Нефтегазовый сектор занимает преобладающую часть горлышка воронки. По числу занятых это действительно довольно узкий сегмент экономики. В нем работает не более полумиллиона человек — всего 1,1 проц. всей рабочей силы². Его корпоративная структура также отличается высокой степенью концентрации. Даже сегодня в российском нефте- и газодобывающем секторе действуют лишь около 175 компаний (в США их более 20 тысяч). Но стоимость производимой ими продукции огромна. Нефть и газ дают порядка двух третей экспортных доходов России и почти половину

Рис. 1

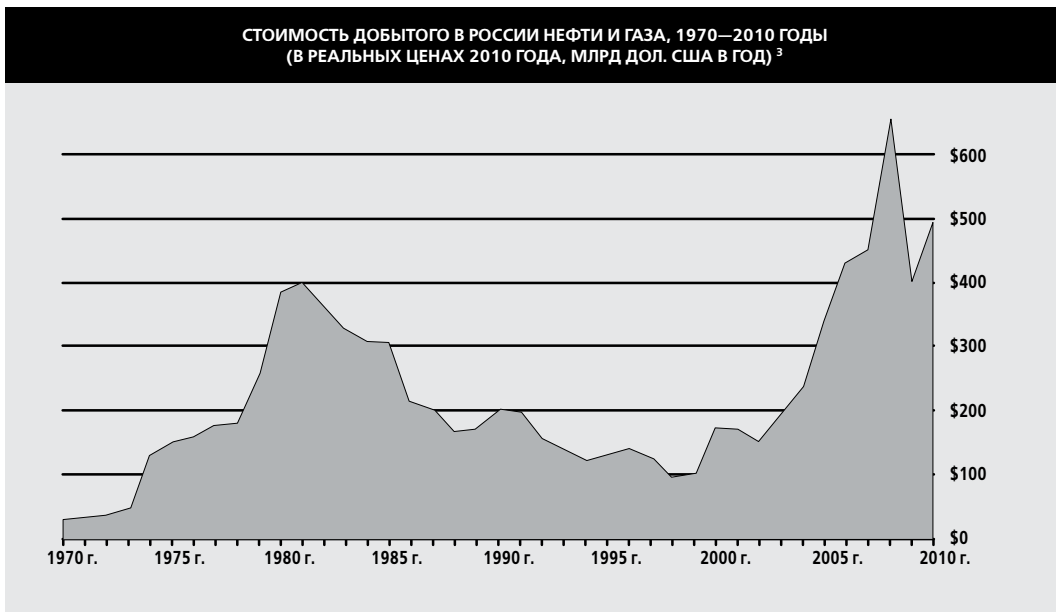

Рис. 2

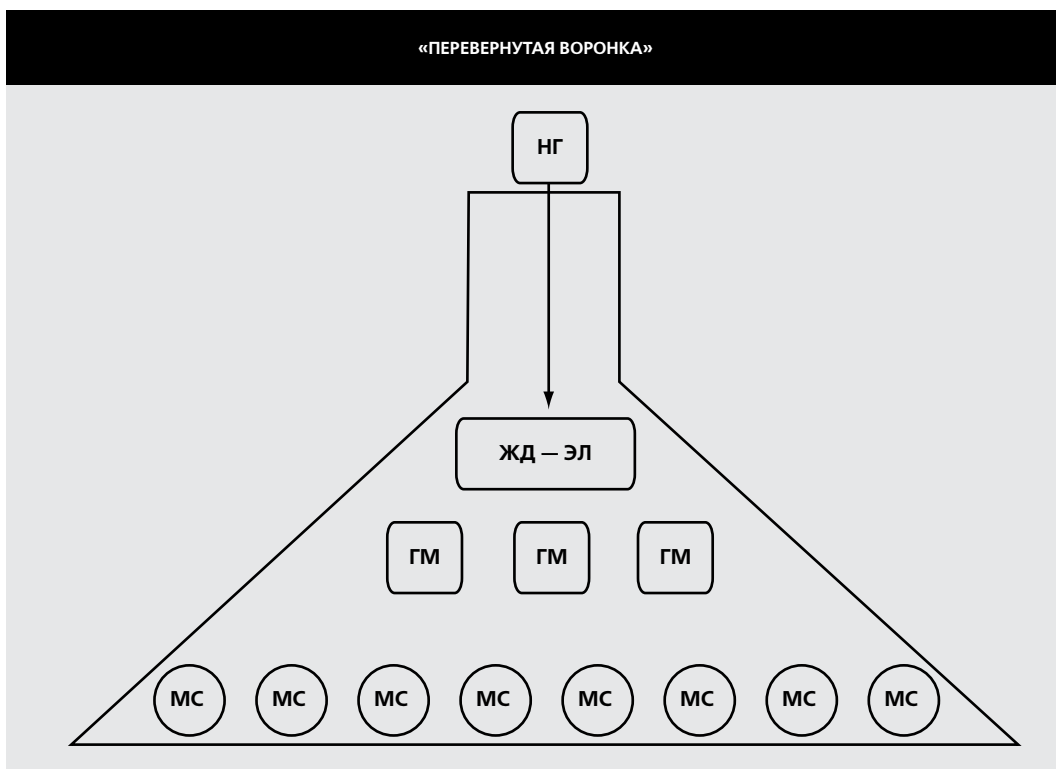

доходов федерального бюджета ⁴. Надо, однако, помнить, что прошедшее десятилетие было исключительным в том, что касается уровня цен на нефть и газ. При этом надо учитывать и динамику цен. На рис. 1 (см. с. 26) показана эволюция объема нефтегазовой ренты для России в реальных (с поправкой на инфляцию) ценах начиная с 1970 года ⁵, что позволяет поместить «нулевые» в историческую перспективу. 2000–2008 годы дали максимальный в российской истории рост ренты. При этом сам процесс напоминал то, что происходило и раньше. С середины 1970-х до начала 1980-х рента также резко росла, порождая рентозависимость. Воронкообразная структура экономики консолидировалась. И резкое увеличение ренты в «нулевых» вдохнуло новую жизнь в старую советскую структуру.

Цепочки распределения ренты

Если нефтегазовый сектор представляет собой узкое горло перевернутой воронки, то в ее широком основании преобладает тяжелая промышленность, под которой традиционно понимается машиностроение. Сюда же входит военное производство. Есть разные механизмы передачи нефтегазовой ренты этому «основанию». Часть ее попадает туда по официальным каналам – прежде всего та ее доля, которая собирается в виде налогов и перераспределяется в форме субсидий и иных бюджетных поступлений. Но большая часть совокупной ренты распределяется по неформальным каналам. Некоторые из этих способов распределения можно назвать «неофициальными налогами» (например, взятки чиновникам и выплаты компаний на поддержку нужд общественного сектора, якобы

Рис. 3

добровольные, но на деле обязательные – например, платежи предприятий в помощь социальной сфере городов и регионов, на осуществление проектов в области культуры, благотворительность и др.).

Наиболее необычной, непрозрачной и самой важной разновидностью неформального распределения ренты в рамках экономики «перевернутой воронки» является принуждение сырьевых компаний к непосредственному участию в производственных цепочках, куда входят предприятия советского времени. Именно это принуждение обеспечивает распределение ренты в форме чрезмерных производственных издержек. Поставщики материальных ресурсов (топливо и электроэнергия, металл, компоненты) и услуг (железная дорога и трубопровод) обязаны обслуживать машиностроительные

предприятия. Затем бóльшая часть произведенных машин и оборудования направляется в те же первичные сектора. На рис. 2 (с. 27) изображена схема потоков, охватывающая пять основных секторов промышленности: (1) нефтегазовый [на схеме – НГ]; (2) машиностроительный [МС] (включая военную промышленность); (3) транспорт (в основном железнодорожный) [ЖД]; (4) электроэнергетический [ЭЛ]; и (5) горнодобывающий и металлургический [ГМ]. На рис. 3 показано положение этих секторов в «воронке».

Суть схемы на рис. 2 заключается в том, что вместо перераспределения Центром ренты, собранной исключительно в виде официальных налогов, производители нефти и газа передают значительную ее часть машиностроителям напрямую либо в форме материальных затрат, либо в монети-

зированной (оплата заказов). Еще один вариант — через промежуточные сектора, обслуживающие нефтегазовую отрасль, такие как создание транспортной инфраструктуры, производство электроэнергии или обрабатывающая промышленность. Таким образом, производственные цепочки могут рассматриваться как цепочки распределения ренты. Они представляют собой механизм передачи ренты из узкого горлышка перевернутой воронки в ее широкое основание путем чрезмерного расходования. Распределение ренты через производство — самая важная форма дележа ренты в современной российской экономике, носящая исключительно неформальный характер, — она не прописана в законе или бюджете, никак не связана с налогами.

Стратегическое планирование взамен централизованного

Весьма полезно сравнить нынешнюю систему распределения ренты через производство с прежними. В советской системе, промежуточной системе 1990-х, и системе, сложившейся при Путине в «нулевых», мы видим практически одни и те же цепочки распределения ренты. В советской экономике рента распределялась централизованно. Тогда, как и сейчас, она обеспечивалась нефтегазовым сектором. Однако центральные органы управления (ЦК КПСС, Госплан) могли направлять ренту туда, куда считали нужным, поскольку именно они (государство) владели всеми предприятиями. Номинально приоритетными объектами для распределения ренты при советском строе были ВПК и АПК. На деле же всё, как и сегодня, определялось необходимостью загрузить заказами тяжелую промышленность (машиностроение).

Различия связаны с тем, кто инициирует эту цепочку. В советские времена Госплан предписывал машиностроительным пред-

приятиям поставить вооружение для военных и технику для сельского хозяйства. В путинскую же эпоху заказы машиностроителям на оборудование поступают напрямую от корпораций⁶. В советский период механизмом распределения ренты и управления им были пятилетние планы, выполнение которых контролировали плановые органы и партийные чиновники. Сегодня по-прежнему существует видимость централизованного управления: промышленные министерства в Центре разрабатывают долгосрочные (рассчитанные на 10–20 лет) «стратегические» программы развития отраслей, регионов и крупных корпораций⁷. На деле же ключевые решения принимаются на уровне корпораций. Стратегические программы — лишь компиляция составленных корпорациями планов с добавлением благих пожеланий чиновников.

Роль частной собственности

Отдельного рассмотрения заслуживает особая роль частной собственности. В 1990-х большинство предприятий в главных секторах российской промышленности перешло от государства в частные руки. Эти изменения в основном остались в силе и в «нулевых». (Единственным значительным исключением стала нефтяная компания «ЮКОС», по сути ренационализированная после ареста ее владельца Михаила Ходорковского в 2003 году⁸.) Прибыльные металлургия и горнодобывающая промышленность почти полностью находятся в частном владении⁹. Путинское руководство твердо убеждено в том, что частная собственность лучше государственной позволяет обеспечить экономическую эффективность. В том, что касается частных владельцев, самая приоритетная задача режима — делать так, чтобы они поддерживали цепочки распределения ренты¹⁰. Политико-экономическая система сегодняшней России — это, по сути, система управле-

ния рентой, в рамках которой ряд высших правительственных чиновников, губернаторы важнейших регионов и владельцы корпораций («олигархи») находятся почти на равных: все они — «менеджеры отдела по распределению ренты» в гигантском предприятии под названием «Россия Инкорпорейтед». Эта система имеет целью сочетание положительных сторон стабильности и эффективности. Первой — за счет обеспечения рентой самых важных в социальном и в политическом отношении регионов, городов и предприятий — широкого основания «воронки». Второй — за счет наличия в генерирующих ренту отраслях частных собственников, заинтересованных в максимизации доходов и тем самым увеличивающих ренту.

Обязанность делиться рентой путем поддержки производственных цепочек — главная особенность специфически российского варианта рыночной экономики. В условиях нормального рынка частная собственность основана на гарантированных правах собственности и системе, обеспечивающей возможность и мотивацию владельцев доби-

ваться максимальной эффективности за счет выбора оптимального размещения производства, ассортимента и объема выпускаемой продукции, а также наилучшей организации производства, включая выбор поставщиков и партнеров. В российской экономике номинальные собственники компаний, действующих в ключевых отраслях, крайне ограничены в этом выборе, поскольку они подчиняются императиву сохранения цепочек распределения ренты. В эту цепочку включены поставщики материальных ресурсов. Они обязаны снабжать основные машиностроительные предприятия электроэнергией, газом, сталью, алюминием и т. д., перевозить для них грузы по железной дороге и обеспечивать иные услуги. Это значит, что одна из ключевых характеристик системы — устранение конкуренции между поставщиками и отсутствие у компаний, входящих в снабженческую цепочку, возможности самостоятельно принимать решения.

Чтобы представить себе, насколько укоренившимся является понятие «цепочки распределения ренты», достаточно вспомнить

Путин об организации цепочек распределения ренты

ГАРАНТИРОВАННЫЕ ЗАКАЗЫ:
«...Бюджетные организации сами являются крупнейшими гарантированными потребителями. Достаточно посмотреть на инвестиционные программы российских энергетиков, нефтяников и газовиков. Я сейчас об этом как раз скажу. Только наши генерирующие компании за ближайшие три года готовы закупить продукции энергомашиностроения на 1 триллион рублей, сетевые компании — на 0,5 триллиона рублей. В газовой отрасли компании планируют потратить 600 миллиардов рублей, в нефтедобывающем

секторе — 1 триллион рублей. Это всё сложить нетрудно, получается достаточно внушительная цифра — 3 триллиона 100 миллиардов рублей».

ГАРАНТИРОВАННЫЕ ПОСТАВКИ:
«Нужно развивать не только систему долгосрочных контрактов между энергетическими компаниями и производителями оборудования, но как следует думать над системой долгосрочных контрактов по всей производственной цепочке, завязанной на энергомашиностроение, а это и поставщики

топлива, и железорудной, и металлургической продукции». «[Необходимо] основательно отстроить всю цепочку отношений со смежниками, поставщиками сырья, иметь предсказуемую картину по тарифам на железнодорожные перевозки, другие услуги естественных монополий, естественно, на то же электричество, на первичное сырье, газ». (Из выступления Владимира Путина на совещании «О мерах по развитию энергетического машиностроения в Российской Федерации» в Санкт-Петербурге 8 апреля 2011 года)

заявления премьера Путина в апреле 2011 года, когда он обрисовывал планы будущего развития одной из важнейших подотраслей машиностроения — производства тяжелых машин и оборудования для российской электроэнергетики. Из его слов явствует понимание двух ключевых элементов, обеспечивающих выстраивание вышеописанных цепочек распределения ренты: (1) покупатели оборудования встраиваются в них за счет гарантированных заказов для машиностроительной отрасли [МС] от нефтегазового [НГ] и электроэнергетического [ЭЛ] секторов; и (2) поставщики ресурсов становятся звеньями цепочки за счет гарантированных поставок машиностроителям [МС] от нефтегазовиков [НГ], энергетиков [ЭЛ], железнодорожников [ЖД] и металлургов [ГМ].

Следующее десятилетие

Представленная концепция «наркозависимости» дает основу для анализа развития ситуации в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Политико-экономическая модель, которую мы описали выше, хорошо выполняла свои задачи в предыдущем десятилетии. Она позволяла удовлетворять потребности «севших на иглу» за счет раздела ренты и в то же время обеспечивала сравнительно жесткую бюджетную и макроэкономическую дисциплину, а также накопление финансовых резервов. Таким образом, она гарантировала внутривнутриполитическую стабильность и одновременно защищала Россию от внешних шоковых воздействий. Но это работало в десятилетии рентного изобилия. Насколько эффективно эта модель способна работать в скудный период, когда будет острее ощущаться необходимость трудных компромиссных решений по широкому спектру вопросов, включая и главный выбор — между обеспечением финансового суверенитета по отношению к внешнему миру и сохранением стабильности внутри страны?

Понимание перспектив России в рамках данного подхода требует ответа на вопрос: каков будет объем ренты в новом десятилетии? Вспомним, что коренное отличие «наркозависимости» от простой зависимости заключается в том, что для сохранения статус-кво объем ренты должен постоянно увеличиваться. Потребности «севших на иглу» растут. Если рента не будет продолжать расти, причем достаточно быстро, возникнет «абстинентный синдром». Он будет болезненным, что может означать рост недовольства и нестабильности.

Объем ренты в будущем

Как уже отмечалось, мы рассчитываем ренту по формуле: произведение объема добытых в России нефти и газа на мировые цены этого сырья за вычетом затрат на добычу. Правительство ставит цель поддерживать объем добычи на нынешнем уровне в течение как минимум ближайших 10–15 лет. Выполнить это будет непросто. Российская нефтяная промышленность сумела увеличить добычу в конце 1990-х — начале 2000-х благодаря инвестициям в геологоразведку и инфраструктуру еще советских времен. В результате нефтяные компании могли реализовывать новые проекты в уже освоенных регионах и наращивать добычу на уже эксплуатирующихся месторождениях с низкой степенью истощения. Подобные возможности для роста отчасти сохраняются и сейчас, но они сокращаются.

В любом случае увеличение или снижение размера ренты в России в предстоящем десятилетии будет зависеть от объема добычи куда меньше, чем от цен. Проблема же заключается в том, что Россия не может ни влиять на нефтяные цены, ни, как и все остальные, точно спрогнозировать ценовую динамику на любую перспективу — хоть долгосрочную, хоть краткосрочную. На протяжении 120 лет (1880–2000) средняя цена на нефть в пере-

счете на сегодняшние доллары была ниже 25 дол. за баррель. В последние годы сложилось мнение, что к этому уровню она больше не вернется: для нефти возник новый ценовой режим. По оценкам таких ведомств, как Управление энергетической информации США (УЭИ) и Международное энергетическое агентство (МЭА), в ближайшие два десятилетия нефтяные цены будут составлять в среднем почти 100 дол. за баррель¹¹. Всего несколько месяцев назад эти оценки представлялись взвешенными и правдоподобными. Однако по мере ухудшения общих перспектив мировой экономики все больше специалистов будут ставить их под сомнение. А если совместить эти оценки с графиком, показывающим динамику нефтяных цен с 1880 года, станет ясно, что прогнозная цифра в 100 дол. выглядит достаточно смелой (см. рис. 4 на с. 32).

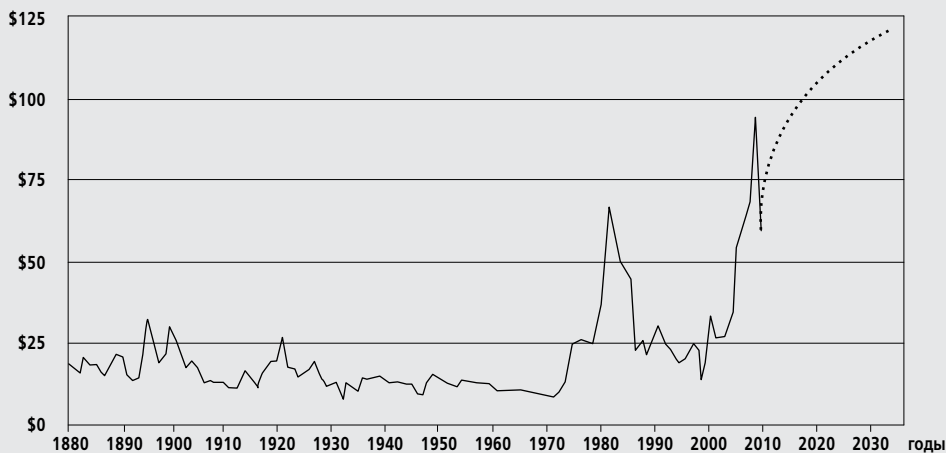
Неопределенность в отношении цен на газ в будущем столь же велика, что и на нефть. В прошлом цены на газ изменялись в соответствии с нефтяными, но с определен-

ным отставанием. В дальнейшем благодаря расширению производства сжиженного природного газа (СПГ) и разработке газоносных сланцев это соотношение может быть нарушено. Увеличение объемов добычи и количества поставщиков усилят конкуренцию на газовом рынке и будут способствовать снижению цен. В то же время с учетом климатических изменений спрос на природный газ, вероятно, повысится: потребители будут переходить на него в качестве более экологичной альтернативы углю в производстве электроэнергии и моторному топливу на основе нефти.

Одним словом, неопределенность в области цен на нефть и газ не позволяет надежно спрогнозировать динамику объема ренты для России в ближайшие десять лет. Максимум, что можно сделать, — это разрабатывать сценарии на основе различных ценовых трендов. Один из таких сценариев предлагаем и мы. Представим, что мировые цены на нефть будут вести себя в соответствии с прогнозом УЭИ. Как будет выглядеть объем ренты для

Рис. 4

МИРОВЫЕ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ В 1870—2010 ГОДАХ И ПРОГНОЗ УЭИ НА 2011—2035 ГОДЫ
(В ДОЛЛАРАХ 2009 ГОДА ЗА БАРРЕЛЬ)¹²

России? Представление об этом дает рис. 5 на с. 33¹³. На первый взгляд картина представляется весьма позитивной: в среднем в ближайшие 20–25 лет Россия будет получать каждый год больше нефтегазовой ренты, чем в последний год бума — 2008-й. Необходимо, однако, помнить, что в условиях экономики, страдающей «наркозависимостью», важен не только *объем* ренты, но и *темпы его роста*. И здесь все выглядит далеко не так радужно. В 2000–2008 годах темпы роста ренты были в несколько раз выше показанных на рис. 5 для периода после 2010 года¹⁴. Это означает, что даже в рамках сценария динамики цен, который многие сочтут оптимистическим, ренты для удовлетворения повысившихся потребностей «наркозависимых» не хватит.

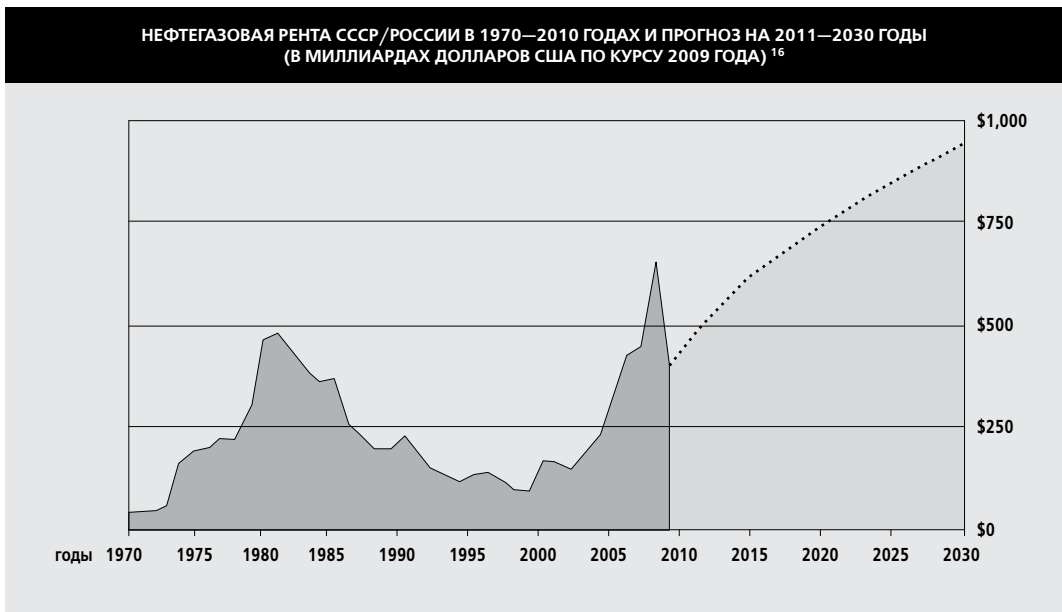
Обуздание «наркозависимости»

Некоторые утверждают, что лучшим вариантом для России было бы резкое падение цен на нефть. Это, по их мнению, автоматически сократит ориентацию на ренту и вынудит как государство, так и бизнес проводить более

эффективную экономическую политику. Однако подобные аргументы не учитывают наличия «наркозависимости» и ее силы. Само по себе сокращение ренты не приведет к оздоровлению: независимо от того, велик или мал ее объем, она будет доставаться прежде всего тем, кто «сидит на игле». В период относительной скудости ренты остальные секторы экономики оттесняются от доступа к ней еще значительно. «Наркозависимость» приносит больше вреда, когда рента сокращается, чем когда она растет.

Надеяться, что «наркозависимые» предприятия откажутся от ренты без сопротивления, — все равно что ожидать, будто закоренелый наркоман пассивно смирится с тем, что его лишают дозы. Так не бывает, потому что абстинентный синдром слишком силен. В случае с российской экономикой болевые ощущения принимают форму закрытия предприятий и безработицы¹⁵. Ни один режим, делающий ставку на социально-политическую стабильность, этого не допустит. Чтобы избежать подобного исхода, полити-

Рис. 5

ческое руководство вынуждено решать проблему «наркозависимости» иными, порой противоречивыми методами. Один из подходов — попытка устранить ее напрямую, по сути «излечить». Второй заключается в том, чтобы стараться игнорировать это явление и сосредоточиться на не затронутых «наркозависимостью» частях экономики.

ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ «НАРКОЗАВИСИМОСТИ» В отличие от радикального метода — закрытия «наркозависимым» доступа к ренте, чтобы дать им умереть, если они не в состоянии выжить без посторонней помощи, идея «излечения от наркозависимости» заключается в преобразовании компаний с целью увеличить их эффективность, соответственно уменьшая потребность в ренте. Поскольку считается, что главной причиной неэффективности являются изношенные и морально устаревшие основные фонды, в качестве решения предлагаются инвестиции в новые технологии. Это и есть суть путинской «модернизации» — масштабной инвестиционной программы, направленной на коренное обновление производственных мощностей российской экономики.

Изъян подобного подхода очевиден. Сокращение издержек «наркозависимости» за счет повышения эффективности выглядело бы логичным, если бы наиболее вопиющие формы неэффективности не составляли суть «наркозависимой» структуры экономики, в которой чрезмерные затраты становятся результатом неправильного размещения предприятий и принудительности участия в снабженческо-производственных цепочках. Поскольку эту систему трогать нельзя, повышение эффективности может быть лишь незначительным. Нарастивать инвестиции в заводы советской постройки сегодня, чтобы они не требовали большего завтра, — все равно что бороться с тягой к наркотику, давая его наркоману, — пусть он только пообещает

воздерживаться от злоупотреблений в будущем¹⁷.

РАЗВИТИЕ НЕ ПОРАЖЕННЫХ «НАРКОЗАВИСИМОСТЬЮ» СЕКТОРОВ Если первый подход предусматривает решение проблемы «наркозависимости» напрямую, то в рамках второго предлагается нечто прямо противоположное — сосредоточить внимание на создании новых, конкурентоспособных отраслей, не зависящих от получения ренты. Цель заключается в том, чтобы эти сектора развивались в ускоренном темпе, обогнали «наркозависимые» и в конечном итоге переориентировали российскую экономику в сторону от нефти и газа. Этот «инновационный» подход связывается с именем Дмитрия Медведева. Образцом должно стать подмосковное Сколково — сочетание технопарка, университета и бизнес-инкубатора. Компании, участвующие в проекте Сколково, получают доступ к ультрасовременному оборудованию и инфраструктуре, а также особую защиту от правовых и административных злоупотреблений, от которых так страдает российский бизнес.

Критики такого подхода ставят под сомнение его отличие от других форм промышленной политики, когда государство, а не рынок, выбирает, какие виды экономической деятельности больше всего заслуживают поддержки, и затем ее оказывает. Подобные усилия никогда не отличались особой результативностью, а в России предпосылки для их успеха особенно слабы. Однако если рассматривать Сколково в контексте феномена «наркозависимости», ясно, что главный вопрос заключается не в реализации проекта как таковой, то есть в том, смогут ли расположенные там компании разработать инновационный продукт. Речь идет о том, можно ли полностью уберечь эти фирмы от влияния «наркозависимых». Сколково не самодостаточно. Оно требует субсидий и иной помощи, которая в конечном итоге выделяется из

нефтегазовой ренты. В результате фирмы из Сколково должны конкурировать за эту ренту с «наркозависимыми» секторами. На самом деле борьба идет не только за нефтегазовую ренту, но и за все ресурсы российской экономики. Сырьевая рента позволяет «наркозависимым» секторам наращивать выпуск продукции, увеличивая тем самым их спрос на все факторы производства. Когда производственные и снабженческие цепочки «наркоманов» продолжают требовать ресурсов, равные для всех условия игры невозможны.

Таким образом, в конечном итоге инновационные компании, скорее всего, предпочтут не бороться с системой «наркозависимости», а включиться в нее. Инвесторы и менеджеры инновационных фирм, осознавая, что «наркозависимые» и их притязания на ренту господствуют в системе, волею неволей вынуждены будут играть в ту же игру. Инноваторы аргументируют просьбы о помощи со стороны государства не тем, что они представляют собой альтернативу зависимым от ренты предприятиям, а, напротив, своей важной ролью в обеспечении выживания «наркозависимых». Они ищут способы интегрироваться в производственные цепочки. Тем самым владельцы/директора инновационных стартапов имитируют поведение успешно действующих директоров «наркозависимых» предприятий¹⁸.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Объявленная модернизация подчеркивает важность привлечения зарубежных инвестиций. На первый взгляд может показаться, что у России с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) все обстоит очень неплохо¹⁹. Однако почти все эти капиталы вкладываются в сырьевой сектор и розничную торговлю. Главный объект модернизации — машиностроение — привлекло менее 5 проц. от совокупного объема ПИИ. Более того, львиную долю этой относительно небольшой суммы

составляют вложения зарубежных компаний, особенно автомобилестроительных, которым необходимо было организовать в России какое-то производство в качестве «входного билета» на российский рынок²⁰.

Заявленная правительством цель привлечения в Россию ПИИ состоит в обеспечении основных секторов промышленности необходимыми «капиталом, технологиями и опытом менеджмента»²¹. Однако для правильного понимания этих целей необходимо помнить об описанных нами ограничениях. Иностранным инвесторам, как и отечественному частному капиталу, не позволят конкурировать с цепочками распределения ренты или мешать их работе. Усилия по продаже российскому и иностранному капиталу принадлежащих государству активов в основных секторах прекрасно сочетаются с преобладающей системой. На новых собственников, как миноритарных, так и мажоритарных, будут распространяться те же правила игры, что и на нынешних. Они не должны препятствовать работе цепочек распределения ренты.

Классическим примером может служить приватизация электроэнергетической монополии — РАО «ЕЭС России» — в 2008 году. Ее генерирующие мощности были разукрупнены и проданы в частные руки, в том числе и иностранным компаниям. Однако линии электропередачи остались в руках государства. Многие наблюдатели расценили приватизацию РАО «ЕЭС» как одну из важнейших рыночных реформ. На деле же она лишь послужила укреплению описанной нами системы. Как могут частные владельцы распорядиться своим пакетом акций российских электростанций, даже если он мажоритарный? Они не могут устанавливать цены или выбирать клиентов. Они не могут выбирать, что производить (по очевидной причине). Они не могут даже выбрать себе инвестиционную программу. И главное, они не могут

выбирать поставщиков. Они привязаны к существующей цепочке. Они могут лишь вкладывать деньги, технологии и управленческие навыки.

Заключение

В прошлом Россия добивалась хороших результатов в рамках описанной нами модели управления экономикой. В десятилетие до мирового финансового кризиса 2008 года она опережала по темпам роста почти все страны мира. На рис. 6 (с. 36) показаны темпы роста ВВП в России и других странах БРИК начиная с 1999-го. Если 1999 год брать за точку отсчета, то Россия росла вдвое быстрее, чем Китай, и в три с лишним раза быстрее Бразилии и Индии.

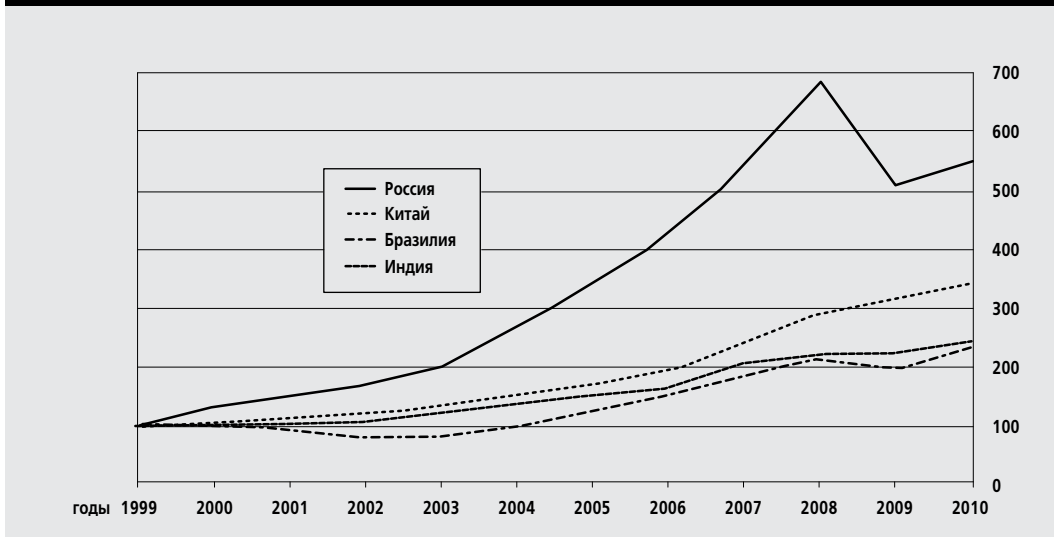
Однако эти впечатляющие успехи были некоей аномалией. Они породили искаженное представление о российской экономике во внешнем мире. Одним из проявлений этого является сама идея БРИК. Российскую экономику нельзя назвать ни молодой, ни динамичной, ни «переходной». Это «старая»

экономика, все еще обремененная наследием 60 лет неправильного размещения производства и ошибочного развития. Это неправильное размещение не только не уменьшилось, но, напротив, даже усилилось за десятилетие изобилия ренты. Десятилетие «нулевых» было периодом стабильности и роста благосостояния. Вступая теперь в десятилетие напряженности и компромиссов, Россия оказалась в ловушке. Чтобы добиться устойчивого развития, ей надо коренным образом изменить структуру экономики. Но подобные изменения могут привести к серьезной дестабилизации в социальном и политическом плане. Российское же руководство не готово пойти на риск дестабилизации.

Означает ли изложенное выше, что модернизация в России обречена на провал, что реформы в стране осуществить не удастся? Ответ зависит от того, что подразумевать под реформами. Меры по повышению эффективности вполне могут быть реализованы и в секторах, где создается рента (нефтяном и газовом), и в тех, куда рента передается (транс-

Рис. 6

ТЕМПЫ РОСТА ВВП СТРАН БРИК В 1999—2010 ГОДАХ (1999 = 100)²²

порт, электроэнергетика, строительство), и в тех, на которые работает вся система раздела ренты (тяжелая промышленность). Однако эти изменения возможны при одном условии: цепочки распределения ренты должны сохраняться. Запрещены перемены, способные разорвать цепочку или подорвать смысл ее существования, то есть компании не могут быть ликвидированы по причине неэффективного управления или неудачного размещения, а цепочки не позволено реструктурировать с целью минимизации затрат.

Пока ренты хватает, предприятия тяжелой промышленности будут продолжать получать огромную выгоду от путинской модернизации. Они будут наращивать объемы производства, чтобы выполнить гарантированные новые заказы нефтегазовых, энергетических, железнодорожных и других компаний. Расширение рынка привлечет и некоторых иностранных инвесторов, стремящихся подключиться к рентным потокам. Эти иностранные корпорации помогут переоснастить российские предприятия современным оборудованием и ввести в

практику некоторые новые, прогрессивные методы ведения бизнеса. В результате всего этого объем ВВП в краткосрочной и среднесрочной перспективе может увеличиться. Но поскольку приоритетной задачей останется поддержка производств, унаследованных от советской системы, размещение и организация которых не соответствует требованиям рыночной экономики, в более длительной перспективе результатом станет не модернизация в подлинном смысле, а углубление неконкурентоспособности.

Что же касается поддержки инноваций, то, если государство вложит достаточно средств в проекты типа Сколково, в стране в ближайшие годы могут появиться новые фирмы и даже целые сектора. Они тоже привлекут какие-то иностранные инвестиции. В целом, однако, создание и развитие инновационных компаний будет трудным, медленным и дорогостоящим процессом, а создаваемая ими чистая стоимость не сможет сравниться по объему с доходами от нефти и газа, а значит, общий характер экономики не изменится. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Подробнее о концепции «наркоманности» см.: *Gaddy C., Ickes B. Russia's Declining Oil Production: Managing Price Risk and Rent Addiction // Eurasian Geography and Economics. Vol. 50. No. 1. 2009. P. 1–13; Idem. Russia after the Global Financial Crisis // Eurasian Geography and Economics. Vol. 51. No. 3. 2010. P. 281–311.*

² Данные о занятости и добавленной стоимости взяты из официальной статистики. Они включают такие категории, как «нефте- и газодобыча», «услуги в нефтегазовом секторе» и «производство нефтепродуктов».

³ Источник: *Gaddy C. G., Ickes B. W. Russia After the Global Financial Crisis.*

⁴ Доля сырой нефти, газа и нефтепродуктов в экспортных доходах России в 2005–2010 годах составляла в среднем 63 проц. (по данным

Центробанка). В федеральном бюджете на 2010-й доля поступлений из категории «нефтегазовые доходы» равнялась 48 проц. (данные Министерства финансов). Эта доля неуклонно росла начиная с 2000 года, когда она составляла лишь 20 процентов. «Нефтегазовые доходы» складываются из пяти налогов — налогов на добычу нефти и газа плюс экспортных пошлин на сырую нефть, природный газ и нефтепродукты. Поступления от налога на прибыль нефтегазовых компаний здесь не учитываются.

⁵ Более подробно концепции сырьевой ренты мы разбирали в: *Gaddy C. G., Ickes B. W. Resource Rents and the Russian Economy // Eurasian Geography and Economics. Vol. 46. No 8. 2005. P. 559–583; Idem. Russia after the Global Financial Crisis.* Там поясняется, что мы рассчитываем

сырьевую ренту как объем добычи, помноженный на рыночную цену (независимо от того, продавалось ли сырье по этой цене или нет на деле) за вычетом «естественной стоимости» добычи (то есть ее себестоимости в условиях конкурентного рынка со свободным доступом).

⁶ Может возникнуть вопрос: а кто делал заказы в первые десять лет после распада СССР, до прихода к власти Путина? Ответ: зачастую никто. О том, как цепочки распределения ренты сохранились в 1990-е, см.: *Gaddy C. The Price of the Past: Russia's Struggle with the Legacy of a Militarized Economy*. Wash., DC: Brookings Press, 1996. P. 92–96 (“Surviving without Cash”); *Gaddy C. G., Ikes B. W. Russia's Virtual Economy*. Wash., DC: Brookings Press, 2002.

⁷ Пять основных отраслей промышленности находятся в ведении трех министерств: нефтегазовую отрасль и электроэнергетику курирует Министерство энергетики (Минэнерго), железные дороги — Министерство транспорта (Минтранс), а машиностроение и горно-металлургическую отрасль — Министерство промышленности и торговли (Минпромторг).

⁸ Подчеркнем, что дело «ЮКОСа» — исключительный случай. Распространенное представление о том, что Путин провел кампанию по ренационализации предприятий и повальной экспроприации собственности олигархов, не соответствует действительности.

⁹ Преобладание сырьевых секторов в качестве источника богатства частных собственников наглядно иллюстрируется списком самых богатых россиян по версии журнала *Forbes*. В списке за 2011 год из 46 человек, чье личное состояние превышает 2 млрд дол., все, кроме троих, сколотили капитал в нефтегазовом, горнодобывающем, металлургическом и иных ресурсных секторах. См. «200 богатейших бизнесменов России 2011» (<http://www.forbes.ru/rating/100-bogateishih-biznesmenov-rossii/2011>) и “The World's Billionaires” (<http://www.forbes.com/wealth/billionaires/list>).

¹⁰ Тезис, содержащийся в этой фразе, отражает главную политико-экономическую проблему сегодняшней России: как частные сырьевые компании можно заставить отдавать столь большую долю ренты через описанные нами неформальные схемы? В нашей работе (*Gaddy C. G., Ikes B. W. Putin's Protection Racket // From Soviet Plans to Russian Reality / I. Korhonen, L. Solanko (eds). Helsinki:*

WSOYrjo Oy, 2011) механизм такого принуждения определяется как «путинское “крышевание”».

¹¹ Историю прогнозирования цен отдельными экспертами, компаниями, а также государственными и международными ведомствами см.: *Gaddy C. G., Ikes B. W. Russia's Declining Oil Production: Managing Price Risk and Rent Addiction // Eurasian Geography and Economics*. Vol. 50. No. 1. 2009. P. 1–13.

¹² Источник: *Gaddy C. G., Ikes B. W. Russia after the Global Financial Crisis*.

¹³ Предполагается, что Россия сможет сохранить нынешний объем добычи нефти (примерно 500 тыс. т в год или 10 млн баррелей в сутки) и несколько увеличить добычу газа.

¹⁴ Если быть точными, то в 5,8 раза. С третьего квартала 1999 года по второй квартал 2008-го среднегодовые темпы роста нефтегазовой ренты в России составляли 26,6 процента. Как видно из рис. 5, в 2010–2030 годах аналогичный показатель составит всего 4,6 проц. в год.

¹⁵ Это тем более верно, если учесть концентрацию производства в моногородах и «монорегионах», не имеющих диверсифицированной экономики. В результате угроза безработицы становится особенно серьезной.

¹⁶ Источник: *Gaddy C. G., Ikes B. W. Russia after the Global Financial Crisis*.

¹⁷ Небесполезно поразмышлять о том, почему этот метод отличается от использования метадона при лечении наркоманов, зависимых от героина. Лечение метадоном тоже связано с тем, что больному дают легкий наркотик, чтобы отучить его от тяжелых. Разница — в степени влияния на наркомана. У врачей, предписывающих курс лечения метадоном, как правило, есть широкие полномочия по отношению к больному. В российской же экономике рычаги влияния находятся в руках самих «наркозависимых» предприятий.

¹⁸ Путин к тому же рассматривает инновации как часть своей кампании по модернизации оборонных, машиностроительных и других предприятий. См., например, беседу Путина с предпринимателями на презентации Агентства стратегических инициатив в мае 2011 года, когда ряд бизнесменов просили его помочь им заключить контракты с оборонными предприятиями.

¹⁹ По общему годовому объему ПИИ Россия среди стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимает второе место после Китая.

Однако по душевым показателям она лидер начиная с 2005 года (источник: Всемирный банк).

²⁰ Благодаря нефтяным доходам Россия в прошлом десятилетии стала одним из главных рынков сбыта для импортируемых товаров, особенно дорогих потребительских товаров. Однако, когда цены на нефть упали, сократился и импорт. Инвестиционные планы были положены под сукно. В будущем Россия – страна со 140-миллионным населением – будет оставаться крупным рынком, но решение перейти от продаж к производству на ее территории не будет выглядеть столь привлекательным, как до кризиса.

²¹ См. заявление Путина на заседании правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций 25 марта 2011 года: «Нам нужны прежде всего качественные инвестиции для развития и модернизации, чтобы вместе с капиталами в нашу промышленность приходили современные технологии, эффективные системы организации и управления производством» (<http://premier.gov.ru/eng/events/news/14630/>).

²² Источник: расчеты авторов на основе данных МВФ. Номинальный ВВП в валютах соответствующих стран пересчитан в доллары по рыночному курсу.